

Иоффе Иеремия Исаевич

**Кризис современного
искусства. литература,
живопись, музыка**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
ИЗ0

ИЗ0 **Иеремия Исаевич И.**
Кризис современного искусства. литература, живопись, музыка / Иоффе
Иеремия Исаевич – М.: Книга по Требованию, 2025. – 64 с.

ISBN 978-5-519-87313-0

ИскусствоИскусствознание. Изобразительное искусство. История искусствознания и художественной критики. Российская Федерация. Иоффе Иеремей Исаевич 1888 - 1947 - искусствовед. Биографические материалы, кризис искусства

ISBN 978-5-519-87313-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВВЕДЕНИЕ.

Идеалистическая диалектика представляла себе историю как однолинейный процесс, развертывающийся в последовательной смене культур и эпох. Одна непрерывная цепь событий заполняла неповторимый ряд годов, — эпохи, века целиком сменяли друг друга. Дух эпохи был чем-то сплошным, безраздельно господствующим, и все без исключения явления эпохи рассматривались как порождение этого единого духа. Хронология до того слилась с историей, что арифметические периоды, вытекающие из свойств цифр 10, 100, 1000, казались естественными периодами истории. Идеалистическая диалектика рассматривала историю как одноступенчатую мелодию, в которой мотивы строго следуют друг за другом, но никогда не звучат одновременно, укладываясь в квадратный такт годов и десятилетий. Но исторический процесс развивается в материальных и социальных формах культуры. Этот процесс может измеряться годами, десятилетиями, столетиями, но эти арифметические периоды не могут ни определять, ни замыкать культурно-исторические периоды. История была наукой о прошлом, пассивной наукой об отошедших эпохах, летописью, и хронологическое обозначение даты, как надгробные памятники для прошлого, было достаточным мерилем.

Пережиток этой диалектики сохранился у тех марксистов, кто думает, что история представляет собой последовательную смену экономических формаций и классовых культур. Марксистская диалектика рассматри-

вает историю как многолинейный процесс, как борьбу и движение нескольких процессов, нескольких одновременно существующих культурных зон и линий, хозяйственных и экономических формаций. Сочетание этих формаций, их соотношение составляют лицо эпохи, их столкновение—события. События и эпохи—результат борьбы культурных зон и линий. Марксизм изучает не неповторимые в своих комбинациях события, а самые силовые линии культуры, линии социальных, экономических, хозяйственных формаций. События — средство изучения действующих сил культуры, а не самоцель. Марксистская диалектика—актуальная наука о культуре, социология — наука не только познавательная, но и строительная.

Каждый исторический момент, кроме господствующей культурной формации, имеет еще низовые, из которых одни уже были у господства и смещены, другие идут к господству. Каждый исторический момент содержит три члена диалектической триады одновременно, не как скрытые возможности, следы, пережитки и тенденции развития, но реально и конкретно в целых слоях культуры и быта. Только поверхностный взгляд говорит об эпохе как о сплошной единой культуре господствующего класса.

Наша современность поэтому есть не только культурная жизнь мировых городов. Наша современность содержит в себе все историко-культурные формации, начиная от первобытного натурального хозяйства и кончая индустриализмом; и эти формы, благодаря капиталистической культуре, остро соприкасаются между собой. Африканский поселок, русская деревушка, провинциальный город и мощные индустриальные центры составляют лицо современности. Территориально обособленных культур земной шар, благодаря капиталистическому охвату, не знает, но знает все этапы, все стадии культурного развития.

Горизонталь истории стала вертикалью современности. И социолог должен помнить о полуварварских задворках культуры земного шара, о феодальных

и мелко-буржуазных социальных группах, о крупной капиталистической буржуазии и индустриальном пролетариате, чтобы понять во всем объеме происходящий кризис культуры, грандиозный процесс смещения всех культурных и социальных пластов. Современность следует характеризовать не одной чертой господствующего индустриализма, но обостренным сдвигом всех слоев и линий культуры всего земного шара, всего человечества. Дикий разноголосый хор звучит в последний раз перед слиянием в единой культуре единого человечества. Современность — это социалистический переворот.

Смешанность планов культуры современности лежит не в одном уничтожении пространственной разделенности земного шара, но и в крушении социальной разделенности. В жизнь высших культурных центров влиты мелко-буржуазные струи и тенденции к примитивизму и варваризму.

Во все крупные социальные перевороты обнажаются низовые социальные культуры, и их голос делается явственным среди спора за диктатуру основных групп. Возникает тяга к низовым внекультурным социальным группам. Упадочные и поднимающиеся классы ищут в первобытном союзника. Для одних эта первобытность — убежище от новых неприемлемых форм культуры. Для других — источник свежих, нетронутых сил, несущих в себе здоровые возможности новой культуры. Пример этого мы имели в кризисе феодализма и выступлении буржуазии: Руссо и романтики на Западе, дворянские и буржуазные народники в России. В социалистическом перевороте первобытные нетронутые культурой углы особенно сильно дают себя чувствовать. Олицетворяется ли первобытность крестьянством или дикарями, зависит от того, какие задворки культуры имеет данный господствующий класс. Элементы этих полуварварских и примитивных культур становятся заурядным явлением в обстановке мирового города. Темы и проблемы биологизма, стихийной силы, варваризма, чуждого социальному оформлению, заполняют искусство

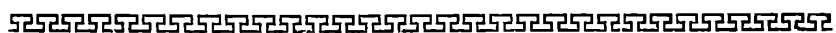

и литературу вместе с высшими проблемами индустриализма. На-ряду с этими голосами слышны голоса мелко-буржуазных социальных групп, еще крепких в провинции, но беспочвенных в мировых городах. Оттесняемые крупно-капиталистической культурой, лишаемые привычно-бытовых условий, они вместе с могиками феодализма говорят о кризисе — крахе культуры, о закате. Механизация жизни, порожденная индустриализмом, кажется гибелью тем, кто привык к медлительным переживаниям, личным вкусам и личной обстановке. „Машина восстала на нас, мир стал материально-машинный, и черствый и чувственный; черствая чувственность—роковой наш удел“ (А. Б е л ы й. „На перевале“).

Непринятые миром, они выдвигают теорию неприятия мира—перевернутое идеологическое отражение беспочвенности. Они говорят о кризисе и недостаточности науки, уходят в метафизику, мистику, вливаясь в религиозное русло феодализма. Это социальные группы прошлого, охваченные бытом, вещами и мыслями, все более теряющими актуальность.

Но безусловно господствуют голоса социальных групп, связанных с индустриальной культурой крупно-капиталистической буржуазии, индустриального пролетариата и промежуточных групп. Все они в прогрессе науки и техники видят прогресс культуры, и борьба между ними идет за социальные пути этого прогресса. Они знают города, эти мощные фокусы культуры, эти железо-бетонные гиганты, полные энергии и динамизма, разума и воли; города фабрик, заводов, автомобилей, поездов, пропеллеров, радио, кино; города миллионных масс, деловитых, точных, работоспособных, энергичных, механизированных.

Машина стоит в центре этой культуры. В ней человек создал новое одушевленное существо, полное энергии и движения. Он о ней говорит как о живом существе, со своим разумом, волей, болезнями, капризами. Словно в биологии, проделавшей путь от мастодонта до человека и от птеродактиля до ласточки, машина,

сначала неуклюжая, тяжеловесная и маломощная, все более освобождается от лишних масс и становится носительницей чудовишных зарядов энергии и быстроты. Она состоит из невиданных в природе форм, воплощенных математических абстракций, — цилиндров, шаров, конусов, математически точных прямых и кривых. Каждая ее часть стремится к максимальной конструктивности, целесообразности и динамике. Вызванная потребностью интенсификации труда, машина изменила вещи человека и самого человека.

Индивидуалистический характер кустарной вещи, зависевший от личного усмотрения мастера и даже его настроения, заменился механическим производством массы абсолютно одинаковых вещей. „Идеал механического производства — скорость, точность, единство и упрощенность фабриката“ (Ратенау. „Механизация жизни“).

Вещь кустаря — результат личного творчества — едина и неповторна. Вещь фабриканта — масса шаблонов. Механизировался быт, механизировался и человек. Одинаковые вещи рождали одинаковые навыки. Ускорение жизни сократило расстояние между действиями, стянуло их, уточнило, выбросило длительные психологические мотивировки действия. Скорость, точность и ответственность стали свойствами машинизированного человека. Переживания, богатые оттенками настроений, медлительные, безвольные, малодейственные и бездейственные, должны были уступить место коротким и четким разрядам силы и воли. Выработалось новое сложное актуальное мировоззрение. Философию и гносеологию, теорию познания заменила методология — учение о действенном подходе к предмету. Схематизм и конкретность, абстракция и реализм сочетались в этой мысли. Она стремилась не к знанию отдельной вещи, а массы одинаковых вещей, и это было знанием о шаблоне, в котором отливаются тысячи одинаковых вещей. Ей важна была не вещь, но конструкция вещи, по которой делаются или могут быть сделаны тысячи одинаковых вещей, важна была схема, план. Это был

новый инженерный конструктивный реализм. План вещей был знанием и об отдельной вещи, но отдельная вещь интересовала своим подобием массы других, а не отличием, как это было с вещами кустаря.

Индивидуальный человек отступил перед механизированным человеком, перед человеком-массой, человеком профессиональной группы, социальной группы и т. д. Орудие подчинялось индивидуальности мастера, но машина — орудие коллектива — подчиняется коллективу и безусловно подчиняет отдельного человека. Не индивидуальные переживания, а внешнее поведение стали мерилom человека. Кругозор человека в то же время безмерно расширился. Одномерное, однолинейное сознание, развивавшее одну нить ровной мысли, сменилось двухмерным, трехмерным сознанием, развивавшим сразу несколько линий мысли, способным реагировать одновременно на разные вещи и движения. Именно потребность ориентироваться на скорость в потоке различных движений родила способность одновременных вниманий, сознаний и реакций (городская собака свободно шныряет между автомобилями, трамваями и экипажами, но это мучительно трудно и почти недоступно крестьянину, впервые очутившемуся на городской улице). Но существование нескольких планов сознания возможно при упрощенности и четкости каждого. Одномерная психика заменилась многолинейным интеллектом. Мелодическое, однозвучное восприятие жизни сменилось полифоническим, многозвучным.

Новое мировоззрение отличается огромной актуальностью; не в пассивном восприятии мира и осознании его, а в активном воздействии—его жизнь. Познание, познание для предвидения было идеалом торгово-буржуазной науки; знать, чтобы сделать, стало лозунгом индустриальной науки. Мир—сырье, которое надо организовать, формировать.

Маркс, теоретик индустриального пролетариата, выразил этот новый вид мироподхода следующим образом: „Философы до сих пор об'ясняли мир, но дело в том, чтобы его видоизменять“. Гениальность этого

положения заключается в том, что технологическая мысль перебрасывается на социальную жизнь: знать общественные отношения, чтобы их перестроить, организовать; стихийность превратить в закономерность. Марксизм выбросил личность—кустаря—из истории, заменив ее жизнью масс,двигаемых экономикой. Маркс открыл законы социальной механики.

Для буржуазии применить технологию к социальной жизни значит упразднить себя, как дезорганизующую культуру социальную группу эксплуататоров. Индустриализм против буржуазии, у которой научная организация производства должна идти рядом с первобытной стихийностью социальных отношений. Марксисты, полагаящие, что Маркс открыл только закон, предвещающий движение социальной жизни, а не знание строительства ее, обнаруживают связь с мелкобуржуазной наукой.

И между индустриальной буржуазией и индустриальным пролетариатом, связанных одним стержнем культуры, огромная разница в положении в производстве и огромная разница в идеологии. Разница первая — разница империализма и социализма. Для господствующей буржуазии рабочий и машина — равно средства эксплуатации и обогащения. Для капиталиста не существует разницы между живым социальным материалом культуры и механическим материалом культуры. Рабочий для него средство производства, и, когда нужно, он так же безоглядно бросает его на истребление, как и машину.

Индустриальный пролетариат, выросший на коллективном труде, допускает только эксплуатацию сил природы для человеческого коллектива. Он—социалист.

Индустриальный буржуа—человек настоящего. Он мало интересуется прошлым и избегает говорить о кризисе культуры. Он занят сегодняшним. Если он заговаривает о перспективах культуры, он ее рисует как бесконечное сегодня: гигантский рост техники без социальных изменений; два вида человека: господствующий

щего интеллектуального и рабочего — физического. Социальные противоречия, даже мировая война, неприятные случайности, не более. Пролетариат смотрит на сегодня, как на переход к социалистическому завтра. Он говорит о кризисе культуры, понимая под ним социалистический переворот. Принимая все высшие технические достижения культуры, он стремится дополнить ее организацией социальной жизни. Это люди будущего, реальные носители социалистической культуры сегодня.

Вторая разница — разница материализма и идеализма.

Механическая культура требует повышенной интеллектуальной деятельности. И хотя интеллектуальная деятельность индустриального пролетариата, по сравнению с крестьянством, носит исключительно напряженный характер, но по самой обремененности рабочего тяжелым физическим трудом, его мозговая деятельность не может сравниться с мозговой деятельностью буржуазии, освобожденной от физического труда. Ее мозговая деятельность достигла колоссального напряжения. Ей кажется что все машины земного шара движутся мыслью. Кажется, что интеллект запряг пар и электричество, спускается в глубины, поднимается на высоты, устремляется на другие планеты. Мощь теоретической мысли, открывающей и изобретающей, завоевывающей материю, у этих людей, оторванных от непосредственной работы над сырьем, породила безусловную веру в интеллект, в господство свободной мысли над материальным миром, господство теории над практикой. У них возникает целая теория постепенного высвобождения интеллекта из-под власти материи и близкого окончательного освобождения духа. Все большая победа над энергией, энергетизация культуры, кажется им дематериализацией вещей и доказательством этой теории верховной власти интеллекта. Это новый индустриальный идеализм. Идеализм дворянства, освобожденного от материальных и трудовых забот, носил эстетико-религиозный, пассивно-созерцательный

характер. Божественные, вечные неизменные идеи возвышались и господствовали над земной сутолокой, диктуя ей свои формы. Идеализм индустриальной буржуазии — конструктивный, технологический. Он смотрит на мир как на сырье, которое организует интеллект. Это вера не только в безграничные познавательные способности интеллекта, но и в одухотворяющую созидательную силу его. Они забывают, что самый инженерный интеллект есть результат индустриальной экономики, а не причина ее. Сознательность, конструктивность, учет и контроль, сама интенсивность мозговой деятельности и роль ее в производстве — целиком порождение индустриальной культуры, а не самовольного усилия, вдруг проснувшегося интеллекта. Индустриальный пролетариат знает, что без труда, одними усилиями интеллекта, культура не делается. Индустриальный пролетариат не отрывает интеллектуальной деятельности от трудовой и труд от материи и полагает, что только в сознательном и планомерном слиянии их человек преобразит земной шар и жизнь. Пролетариат — активный материалист-марксист.

Вне марксизма общественные науки, науки о социальной жизни переживают кризис, напоминающий крах. Все они пытаются перестроить свои методологии по основной технологической оси культуры. Они пытаются отойти от психологизма и мелко-буржуазного индивидуализма, становятся социологическими, но эта социология насквозь идеалистическая — дух управляет эпохами и формирует культуру. В науках о человеке рефлексология вытесняет психологию и в искусствоведении формальный метод вытесняет эстетико-психологический. Утеря интереса к индивидуальности, внутренним переживаниям, и усиленный интерес к деятельности лишили субъективную психологию самонаблюдения, почвы. Механизированное мышление увидело в человеке механизм реакций на раздражение внешнего мира. Паступки человека мотивируются не особыми внутренними индивидуальными процессами, а совершаются по определенным путям механически.

